
Ю. В. ШИЧАНИНА

**МИСТИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК
КАК ЧЕЛОВЕК ВИРТУАЛЬНЫЙ:
ПСИХОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ
XX ВЕКА О ГЛУБИННОЙ
ИНОМЕРНОСТИ¹ ЧЕЛОВЕКА**

С заново открытым «мистическим» человеком в середине XX века глубинная психология связывала большие надежды на интеграцию в единой человеческой личности всех существующих измерений реальности, принятие новой этики и героическом обуздании прорыва «темных сил». С высоты дня сегодняшнего следует констатировать, что так скоро этим надеждам не суждено было сбыться, однако идея жива и поныне. Небезынтересно обратиться к ее тематическому анализу, потому что современному человеку, привыкшему к ежедневному картографированию жизненного пространства и уже приоткрывшему тайну иллюзорности всех границ, необходим новый ракурс рассмотрения и самопонимания. Его жизнь как никогда раньше охвачена уютным разнообразием повседневности, но за ее расписным крыльцом и высоким порогом навязчиво простираются многообразные миры Иного – неведомого, непознанного, обладающего собственными трансцендентными обыденности смыслами и значениями. Можно сказать, что так было всегда: за пределом посюстороннего, имманентного, преходящего и живущего во времени человеческого полагалось (предполагалось и располагалось) потустороннее, трансцендентное и вечное божественного; за порогом жизни – смерть, смерти – бессмертие,

---

¹ **Иномерность** – это ключевая метафора и философский концепт, характеризующий человека и культуру с точки зрения многоплановости, выявляющий трагическое противоречие между очевидной фактичностью, фиксированностью человеческого существования и его экзистенцией, предполагающей экстазис, выхождение за пределы наличного состояния. В целом концепт иномерности выражает изменение антропокультурной меры, в результате актуализации «инаковости».

порядка – хаос, мира – Ничто и т. д. И у каждого порога был грозный страж, а у избранного – ключ; обычные люди рождались и умирали, а герои претерпевали бытийные трансформации, обеспечивая связь миров и времен. Однако сегодня как никогда раньше технологии порождения иных реальностей в несколько раз опережают процесс рождения героев; на все пороги не хватает стражей; на всех двинувшихся в путь – ключей. Массовый исход, профанированная коммерческая инициация и несвоевременное возвращение несостоявшихся героев стали приметами современной культурной эпохи. Современному человеку приходится самому непрерывно осваивать Иное, которое уже не только подстерегает его за каждым углом обыденной реальности, но и напирает изнутри, угрожая прорвать тонкую оболочку здравомыслящего «эго из кожи». Всеобщее просветление и расширение сознания, виртуализация, киборгизация и банальная шизофрения плюралистично образуют современный прогнозный горизонт. Поэтому для философско-культурологической рефлексии объективно назрела необходимость снова «войти в открытую дверь»: сделать латентное само собой разумеющееся феноменальным и глубоко осознанным под новым углом зрения. И в этом видится реальная возможность расширения очеловеченного культурного пространства, ассимиляция иных измерений реальности и новой интеграции человека в целостные порядки бытия.

Как уже было отмечено, современный «человек мистический» был теоретически заявлен глубинной психологией. «Говоря о мистической антропологии, иными словами, о доктрине человека мистического как части общей теории человека, мы исходим из весьма широкого и, как справедливо можно было бы утверждать, туманного представления о мистицизме. Мы обнаруживаем мистицизм не только в религии и, несомненно, признаем его не только в экстатическом внутреннем мистицизме. Для нас мистическое представляет собой скорее фундаментальную категорию человеческого опыта или переживания, которое с психологической точки зрения, проявляется там, где сознательное еще не полностью центровано вокруг эго (или уже не центрировано вокруг него)»².

---

² Нойманн Э. Глубинная психология и новая этика. Человек мистический. СПб., 1999. С. 155.

Это во многом изменило философский взгляд на положение человека в космосе. С одной стороны, человек как Антропос находится в центре окружающего мира и между ними осуществляется непрерывное движение. *По мере* взаимодействия меняются человеческие представления о мире, индивидуальные и коллективные психические проекции. С другой стороны, человек иномерен творческому бессознательному, поэтому внутри Антропоса также происходят постоянные изменения. Именно последним глубинная психология отводит решающую роль. Благодаря спонтанным действиям творческого бессознательного личность постоянно изменяется по направлению от центра к периферии. А поскольку творческое бессознательное парадоксальным образом простирается за пределами сознания, оно виртуально иномерно по отношению к сознательному Эго, Великому Индивиду, следуя по стопам которого цивилизованное человечество смогло создать относительно независимое Эго в качестве центра сознательного. «Для каждого сознания и Эго нуминозное представляет собой нечто «полностью Иное»; оно свободно и не поддается определению. Психологическая категория автономии, которую теория комплексов приписывает бессознательному, связана с тем поразительным реальным фактом, что нуминозное не имеет определения, а это в свою очередь служит для Эго доказательством его полной зависимости от непреодолимой силы, которую невозможно предвидеть»³.

Как нам представляется, если виртуальное понимать парадигмально и широко, «человек мистический» есть «человек виртуальный». Как верно отмечает Э. Нойманн, будучи субъектом мистического опыта, он неразделим и парадоксально связан со своим объектом, в какой бы форме тот ни появлялся. Творческое бессознательное при этом выступает одновременно порождающей реальностью для Эго, а на более высоких стадиях развития – энергией имманентно-трансцендентного «суб-истока», благодаря синергии с которым порождаются человеческие виртуальные реальности следующего порядка. Кроме того, его онтогенез, как на уровне отдельного индивида, так и на уровне всего человечества, фактически совпадает с тем, что было описано как генезис «вирту-

---

³ Нойманн Э. Глубинная психология и новая этика. Человек мистический. СПб., 1999. С. 161.

ального человека». Сначала он погружен в стихию бессознательно-го, состояние архаического мистического участия, когда внешнее и внутреннее слито воедино, психика почти полностью виртуальна и Эго легко спутать с Не-эго. Далее происходит постепенное выделение сознания из бессознательного, порождение виртуальных реальностей Эго более высокого уровня и одновременно девиртуализация как превращение предыдущих в константные. И на определенной стадии этого героического пути (состояния психологической зрелости: «победы над «драконом», отыскания «сокровища», основание «королевства» и т. д.) Эго заново открывает для себя нуминозное Не-эго, порождая реальность «внутреннего человека мистического», живущего из внутреннего мистического центра (Самости) в трагической гармонии с собой и с миром. Если такому прогрессирующему, претерпевающему сущностные метаморфозы Эго удастся до конца пройти свой героический путь, оно достигнет состояния высокого мистицизма, где благодаря актуализации иномерности творческого бессознательного само становится нуминозным, богоподобным, творчески преобразующим, освещающим мир и делающим его «прозрачным». В конечном итоге, на стадии «мистицизма бессмертия» человек становится сверхчеловеком-богочеловеком («двойником нуминозного») и в качестве результата проделанной при жизни работы возвращает себя обратно божеству.

Выражаясь в терминах нашего исследования, глубинная психология увидела человека двояко иномерным. Первый тип иномерности развивается и онтологически становится в отношениях творческого бессознательного и неразвитого Эго. Условно это можно назвать *иномерностью центроверсии*. Когда Эго должно отвоевать *свою меру* у бессознательного, преодолеть соблазн внутриутробного единства с нуминозным, «архетип рая» и совершенство не рожденного индивидуума. Актуализация иномерности здесь – это актуализация Эго внутри нуминозного, становление меры человеческого сознания. Второй тип иномерности – это *иномерность индивидуации*, актуализация иномерности нуминозной Самости (мистического центра) внутри развитого, погруженного в окружающий мир и отождествленного с коллективными ценностями Эго. Во втором случае иномерность есть становление меры творческого сверхсознания, проводника нуминозного в человеке и

мире. Совершенство означает здесь интеграцию личности, индивидуацию, утверждение богоподобности Эго как носителя божественного творческого принципа и его трансформацию по направлению к внутреннему центру.

Однако в своих крайних точках оба типа иномерности сходятся. Уроборический, символизирующий начало и конец жизни, круг соединяет область плеромы⁴ периода, предшествующего Эго и плеромы периода Пост-Эго. В конце пути порожденный нуминозным, мистический виртуальный человек снова встречается с самим собой. Кроме того, в обоих случаях иномерность мистического человека обусловлена напряженным конфликтом между бессознательным и сознанием, Эго и Не-Эго, До-Эго и Пост-эго и дана *в опыте пограничных переживаний*. Здесь, на границе, личность встречается с нуминозным и происходит обоюдное превращение: оба полюса мистического преобразуются, разделяющая их линия уничтожается с обеих сторон. Иномерность «мистического человека» как драма взаимодействия Своего и Иного, тем самым, обеспечивает метаморфозу качественного развития человека и мира, установление, смещение и упразднение границ.

Достоинно внимания, что посредством осуществления антропологических трансформаций, глубинная психология искренне надеется решить так называемую «теневую проблему», проблему реальности зла. Как известно, Юнгом был открыт психологический механизм образования и функционирования «тени». Опираясь на данные воззрения, глубинная психология утверждает, что зло, как антипод добра, равно как и другие полярности человеческого бытия в мире необходимы; они часть трансформационного процесса развития. Поэтому решение «теневого» проблемы заключается не в воинственном отрицании противоположности, а в интеграции и трансформации антагонистических полюсов, чего до сих пор не происходило в истории «западного» человечества. Задача тем более актуальна, так как человек-современник находится в состоянии крайней психологической расщепленности и нестабильности. Он больше не доверяет сознанию и дискредитированным эгоценностям, но тотальное отрицание и нигилизм также не решают

---

⁴ В гностическом смысле, место за пределами пространственно-временных представлений, где снимается конфликт между всеми противоположностями.

проблему. Современный человек пытается жить функционально, утилитарно, бихевиористски. Однако сознательно делать вид, как будто зла не существует вовсе, – такая же губительная для индивида иллюзия, как и исключительная идентификация с рациональными идеалами Эго-сознания.

Вместе с тем масштабно развитая в XX веке противоположная тенденция – полная идентификация с «тенью», с бессознательным как темной стороной психического – девальвирует самого человека, целиком отдает его на откуп темных сил. На смену коллективным идеалам и ценностям старой (иудейско-христианской) этики, здесь приходят коллективные антиценности. Новая же этика призвана помирить современников с собственной (индивидуальной и коллективной) тенью, ассимилировать ее с тем, чтобы несовершенный (и признавший себя таковым) человек сделал реальный, а не иллюзорный шаг к индивидуальности и *совершенству целостности*. Заметим, что совершенство здесь подразумевает не абстрактный антропокультурный идеал рационального сознания, не рафинированный, возведенный в абсолют материальный или духовный полюс индивидуальности, а их интеграцию, *явленную и ассимилированную сознанием на новом уровне иномерность*.

Хотелось бы подчеркнуть момент интеграции, который в терминах нашего исследования означает, что в порожденной реальности сознания нового уровня в виртуально-актуальном виде присутствуют все ранее порожденные миры. Более того, они являются элементами константной реальности – обжитыми и психологически освоенными измерениями личности, а не шизофреническими фрагментами стихийного бессознательного хаоса. Иномерность интегрированной личности, тем самым, существенно отличается от простой эклектичной множественности, в которой между иномерными фрагментами отсутствует не только интеграция, но и какой-либо диалог. В этой связи уместно упомянуть и проанализировать *«множественную личность»* и *«полицентрическую модель Я»*. В определенном смысле это синонимы, однако первая акцентирует внимание на том, что в одном теле психологически присутствуют многие человеческие личности с присущим им автономным комплексом значений, мотиваций, ориентации (от культурных до сексуальных) и основанных на них поведенческих реакций. В норме

это похоже на наличие «внутренних двойников», которые в реальной жизни играют разные социальные и культурные роли, или на разные уровни сознания, которые актуализируются в процессе духовной практики. В патологии – на шизофреническое раздвоение (умножение), когда иномерные личности откровенно конфликтуют внутри человеческой психики за власть и осуществление собственной модели поведения. Иногда этот конфликт в некоторой степени явлен сознанию, иногда «дворцовый переворот», переключение с одной личности на другую происходит неосознанно. Подобными примерами богата психиатрия, когда в человеке живут сразу несколько «я». Причем в одних случаях они подавлены и находятся в подчиненном положении, а в других – раскрепощены и одновременно «поют» разными голосами. Можно предположить, что во всех случаях множественные модели личности виртуальны, порождены на базе психической реальности отдельного индивида или коллективного (как у Юнга) бессознательного. Последнее предполагает также их трансперсональный характер.

Вторая, «полицентрическая модель Я» смещает акцент с констатации множественности на поиск их реальной взаимосвязи, алгоритма взаимовлияния и взаимодействия. Здесь полицентричность некоторым образом противостоит моноцентричности. Комментируя теоретическую базу «психоптихологии» С. Фрича и рассуждения современного отечественного психолога Г. Олеховича, В. С. Поликарпов пишет, что так называемые «однослойные» индивиды есть результат моноцентрической интеграции, когда развитие индивида остановлено на одном из личностных слоев, или все остальные, предыдущие по развитию основательно подавлены. Напротив, полицентрическая интеграция подразумевает, что ранее сформировавшиеся слои активны, а развитие продолжается. «Полицентрическая структура является преимущественно многослойной, активность последнего слоя в ней сопряжена с активностью ранее сформированных слоев, а также с активностью еще только формирующихся»⁵. Причем новые представления, способы видения мира и соответствующие им мирочувствования ведут со старыми непрерывный аутентичный диалог. Старое, новое и еще не

---

⁵ Поликарпов В. С., Поликарпова В. А. Феномен человека – вчера и завтра. Ростов-на-Дону, 1996. С. 207–208.

рожденное, тем самым, образуют актуально-потенциальный каркас полицентрической модели «Я». Очевидно, что данная модель есть модель психики иномерного виртуального человека. Более того, она есть психологическое основание мировоззренческого и методологического плюрализма, развитие способности видеть предмет не просто под разными углами, но одновременно с разных точек зрения, в полицентрической системе координат. *И именно человеческая личность в этом случае является средоточием разных измерений, системой задания онтологической, гносеологической и аксиологической меры реальности.* Как показывают современные исследования гипнотических трансов (опыт лечения невротиков, наркоманов и алкоголиков), трансовые состояния сознания кардинально меняют личность. И словно по мановению волшебной палочки изменяется ее мировоззрение, преобразуется картина мира. Таким образом можно изменить человеческое мировидение и мироощущение, существенно повлиять на самооценку и модель коммуникации. Данные эксперименты свидетельствуют, что внутреннее позициональное ядро всегда является для человека некой фундаментальной системой координат, из которой моделируется и конституируется окружающий мир. И, несмотря на всю свою принадлежность природе и социуму, «Я» почти всегда иномерно окружающему миру. Ближе всех к измерению «Я» находится культура, так как эта сфера позволяет объективировать некоторые субъективные смыслы, является сферой индивидуального и коллективного культуротворчества, ареалом и виртуальным посредником (пространством «между») становления полицентричности.

Интересно отметить, что в «новой семантической антропологии» В. В. Налимова с подлинно математической точностью и тщательностью обосновывается именно полицентрическая модель личности. Так, автор фиксирует недостаточность тела как основания для идентификации отдельной личности. Но именно тело, согласно западной традиции (а западный взгляд на человека, по Налимову, берет начало в древнеегипетском мифе), выдвигается в качестве такового. Тело капсулизирует некую ментальную, семантическую реальность, которая, как вынуждена признать современная психология, не исчерпывается полностью, а тем более не детерминруется соматической структурой. Существует семантическая реаль-

ность, обладающая собственной мерой и независимостью существования. Это некий, упорядоченный на числовой оси семантический континуум. Смыслы данного космического континуума не распакованы, свернуты, вечны.

Соответственно полицентрическая человеческая личность представляет собой сложную многоуровневую структуру: 1. Уровень мышления (Аристотелева логика). 2. Уровень предмышления (Бейесова логика). 3. Подвалы сознания (созерцание образов). 4. Телесность человека, поддерживающая сознание. 5. Метауровень (космическое сознание). 6. Подвалы космического сознания (коллективное бессознательное).

Таким образом, кроме капсулированного в теле «эго» личность имеет структуру «метаэго» (уровень 2). И как бы многозначны ни были определения этой структуры, главное назначение «метаэго» – обеспечивать диалог между человеческим «эго» и вселенским семантическим континуумом. Только распакованные, пережитые личностью смыслы являются смыслами в подлинном смысле слова.

Немаловажно, что, согласно В. Налимову, личность – это прежде всего текст. Текст многоплановый, самоинтерпретирующийся, самоизменяющийся, самообновляющийся по мере активной (включающей борьбу старых смыслов с новыми посредством спонтанного образования реинтерпретационных фильтров) распаковки вечных смыслов. Именно активная личностная распаковка смыслов обеспечивает диалог между личностным «Я» и космическим «Ты»; трансценденцию за пределы индивидуального человеческого сознания к Гиперличностному измерению. И здесь возможны два варианта актуализации личностной иномерности. В первом случае человек (личность) только соприкасается с Гиперличностью, получая мощный источник саморазвития. Он не теряет себя в процессе переосмысления собственной семантической матрицы, остается активным, творческим (а в силу этого и трагическим) началом в материальной вселенной. Примерами подобной актуализации иномерности, трансценденции личности Налимов считает мультиперсональное разделение внутри одного и того же тела (внутренний диалог), а также переживание (переосмысление) семантической матрицы культурного наследия человечества. «Личность оказыва-

ется способной к трансценденции – выходу за пределы собственных границ без саморазрушения. Раскрытие личности в нарастающей ее многомерности – это не разрушение исходного Эго, а его нескончаемая дополняемость»⁶. Реализуя множественность как дополняемость, человек ищет себе двойниковые пары в прошлом, стремясь образовать надвременную гиперличность. Он расширяет собственную личность, проникая в культуры прошлого, вживаясь в них, становится гражданином вселенной – вневременной общности.

Во втором случае происходит полное освобождение смыслов от капсулизации. Личность растворяется в гиперличности, лишается всякой активности и динамики. «Здесь мы обращаемся к одному из основных понятий буддизма и джайнизма... Выход в Ничто, в Немыслимое, в Непостижимое. Это – вечность, покой, освобождение от страдания, убежище. В нашей системе представлений – это выход в исходный, нераспакованный семантический континуум. Выход в запредельное состояние. Отметим, что здесь речь идет не просто о философском учении, но и о религиозной практике. И если медитация на низших своих стадиях раскрывает воображение, раскрепощает внутренний опыт, то на более высоких стадиях возникает ощущение безмолвия, безбрежности, Великого Молчания»⁷. Во втором варианте актуализации иномерности личность, тем самым, завершает свой телесно-обособленный путь, окончательно погружается в Иное.

Создается впечатление, что автор «Спонтанности сознания» отдает предпочтение активной (более западной) форме трансценденции, где смыслы востребованы для осмысления, где они постоянно обновляются в человеке и где диалог не превращается в вечное Великое Молчание нераспакованного семантического континуума. Такая позиция, по мнению Налимова, – позиция психически здорового человека, так как «смыслы делают нас активными – то есть психически здоровыми»⁸. Вместе с тем очевидно, что психическое здоровье и полицентричность личности не защищает ее от манипуляции, не исключает возможность деградации и редукции к одному или нескольким измерениям реальности. Современные поведенче-

---

⁶ Налимов В. В. Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М., 1989. С. 211.

⁷ Там же. С. 215.

⁸ Там же. С. 215.

ские стратегии и психотехнологии – обоюдоострый инструмент личностной трансформации. А потому позволяют расширить внутренний космос до масштабов вселенной или свернуть его в единственное измерение. При подавлении всех остальных реальностей можно получить «одномерного человека», при актуализации нескольких – «многомерного». Однако если грамотно запустить процесс полицентричной интеграции, актуализировать так называемый трансличностный, трансперсональный, коллективно-бессознательный (нуминозный) слой личностного бытия, можно гипотетически получить временно-вневременную структуру – человека феноменально и сущностно иномерного, интегрированного и целостного в своей иномерности.

Следует подчеркнуть, что индивидуация, как полицентрическая интеграция и сознательная актуализация иномерности – крайне опасное мероприятие. Причем не только по отношению к отдельной психике, но и к человеческому в целом. Это тернистый путь «наверх», который пролегает через долину ритуальной смерти, бездну безумия, битву с «драконом» и постоянные соблазны «уроборического инцеста». Это мистерия смерти и возрождения, в процессе которой человек должен погибнуть на одном уровне и возродиться на следующем. Как пророчески писал Ницше, самый страшный враг, который подстерегает человека на этом пути – это он сам. Но «только безумец думает, что через человека можно перепрыгнуть, его нужно преодолеть»⁹, нужно быть готовым не к изменению, а трансформации и метаморфозе.

Как нам представляется, сознательно, неосознанно и бессознательно человек стремится к границе, на которой встречается Свое и Иное и происходит сущностная трансформация. Только в одних случаях он готов мужественно выйти навстречу Индивидуации, трансформировать себя и окружающий мир, а в другой – отвергая мир, личность и творение в целом, свернуть, умертвить все свои виртуальные реальности в акте «уроборического инцеста», возвращения к стадии недорожденности Эго.

Увы, «западная», в терминах глубинной психологии, часть индивидуации Эго, его героическая метаморфоза – отнюдь не доминирующая культурная установка современного сознания. В массе своей, как было уже отмечено, представитель западной культуры

---

⁹ Известная фраза из работы «Так говорил Заратустра» Ф. Ницше.

тяготеет именно ко второму варианту развития событий: пьяному, мутному экстазу, обеспечивающему хотя бы на некоторое время сознанию забвение собственной мистической миссии и младенческий гедонизм; уход и выпадение из эмпирической реальности, а не ее прогрессивную трансформацию. В этом смысле наркотический, алкоголический, компьютерный транс и другие виды «виртуального аутизма» – деструктивные элементы в развитии личности. Они обеспечивают деградацию, а не развитие. Они иномерны по факту, но не по содержанию: их маргинальность по отношению к культуре обеспечивается не посредством освоения и преодоления существующего канона, а за счет собственной виртуальной смерти в одном из ее многочисленных измерений, погружения в единственный образ противоречивой целостности наличного бытия. Это скорее *виртуальная одномерность внутри многомерной эмпирической действительности, чем расширение сознания и ассимиляция новых измерений реальности*. В подобной ситуации фактически отсутствует элемент творчества, как в отношении себя, так и в отношении мира, отсутствует синергия, когда нуминозное и человеческое становятся партнерами. Скорее, человек отдает себя на откуп неведомых сил, пассивного небытия, превращаясь в пленника запредельного удовольствия. Открытые таким способом иномерные реальности, как правило, не преобразуются в культурную сюрреальность, не отливаются в гениальных творениях и произведениях искусства, не обеспечивают личностный рост. Языки сознания, на которых общается остальное человечество, забываются, а коммуникативные паттерны сверхсознания избранных остаются недоступными и неосвоенными. И, как правило, человек добровольно «сворачивает» собственное существование, редуцируется в алкогольно-зависимую, наркотическую и т. п. личность, а потом и личностно умирает в одном из созданных им же фрагментов, образов или миров. Возможно, поэтому и «отвернутая» от внешнего мира телесность начинает интенсивно деградировать и угасать. Она перестает быть универсальной: специфицируется на единственном виртуальном измерении и возводит собственную аномию в действующую норму. Все это не должно ускользать из поля зрения современного человека разумного, ведь возможное способно стать необратимым.